Виталий ЖУРКИН

В НАЧАЛЕ ДЕСЯТОГО (часть вторая)²

Основатель и почётный директор Института Европы РАН академик В.В. Журкин делится своими воспоминаниями и размышлениями в беседе с проф. О.В. Буториной.

Буторина О.В.: Как сложилась Ваша жизнь после окончания МГИМО?

Журкин В.В.: Два слова о самом окончании летом 1951 года. Выпускной вечер нашего курса устроили в знаменитом мидовском особняке на Спиридоновке, потому что выпускницами были дочери Молотова, Косыгина, маршала Жукова, других руководителей властных структур. Гуляли до утра.

Несколько лет спустя я снова побывал в этом особняке, освещая в качестве корреспондента Московского радио первые переговоры между СССР и ФРГ и визит канцлера Конрада Аденауэра в сентябре 1955 года. Переговоры возглавляли Аденауэр и глава правительства Николай Булганин. Однажды приехал Хрущёв, взял дело в свои руки и долго гулял с Аденауэром по саду. Как говорили в кулуарах, среди прочего припугнул канцлера ядерным оружием. Правда это или нет, не знаю, но это было в его стиле. Так или иначе, переговоры закончились успешно. Был подписан Московский договор, который на долгие годы вперёд стал основой отношений между нашей страной и ФРГ.

В Гостелерадио я был направлен на работу сразу же после окончания института по моей просьбе, так как завершил учебу с красным дипломом и рвался в журналистику. Где-то публиковался, ещё будучи студентом.

Первое время среди прочего я активно занимался проблемами Европы, побывал в командировках в ряде европейских стран, готовил там репортажи для своего Международного отдела Всесоюзного радио.

При Сталине, когда я начал там работать, за границу практически никого не пускали кроме постоянных зарубежных корреспондентов. После смерти Сталина ситуация буквально в одночасье изменилась. И уже летом 1953 года меня послали в

© **Журкин Виталий Владимирович**, академик РАН, почётный директор Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** zhurv@rambler.ru

Буторина Ольга Витальевна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН по научной работе. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** butorina@ieras.ru

² См.: Журкин В.В., Буторина О.В. В начале десятого (часть первая). Современная Европа. 2019. №2. С. 5–17.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320190512>

Будапешт освещать международную конференцию сторонников мира. В том же году дважды был в Вене, сначала на конгрессе Всемирной федерации профсоюзов, а затем на сессии Всемирного совета мира. Первый проходил в советской зоне оккупации австрийской столицы, второй – в западной. В Вене было немало разрушений, оставшихся после войны, хотя это было несравнимо с Берлином, где я поработал позже. Бывал также в Италии, Франции, скандинавских странах, Чехословакии. И всё же европейцем я тогда не стал.

Довлело желание ухватиться за всё новое, чем можно было заняться, новые впечатления, самые разнообразные. Расскажу лишь об одном из курьёзных эпизодов. В Чехословакии я вёл репортажи о визите советских лидеров Хрущёва (партии) и Булганина (правительства). В чешской деревне с большой помпой принимали нашу делегацию. Вдруг хозяева засуетились: “У нас же русская живёт”. Привели симпатичную старушку, которая оказалась сибирячкой, вышедшей в годы Гражданской войны замуж за чешского legionера и проведшей потом всю жизнь в Чехии. Она спросила Булганина: “Как тебя именовать, батюшка?” Тот ответил: “Николай Александрович, матушка”. Старушка всплеснула руками: “Ой, як царя!” Хрущёв помрачнел. Я тут (как и многие окружающие) впервые сообразил, что Николай Второй был ещё и Александровичем.

Старушка обратилась к Хрущёву: “А как тебя, батюшка?” Тот ответил: “Никита Сергеевич. Так царей никогда не звали”. И гордо огляделся вокруг. Какое-то время спустя наш партийный лидер отодвинул Булганина и сам стал премьером.

Но вернусь к своим делам. Журналистика – журналистикой, но я постоянно думал о переходе в науку. Сдал в МГИМО кандидатский минимум по истории. Завёл связи с ИМЭМО, который тогда размещался в Китайгородском проезде, издал несколько статей в его публикациях.

Именно тогда завязалась моя дружба с Евгением Максимовичем Примаковым. Он тоже работал в Радиокомитете, но в другом – в арабской редакции иновещания. И тоже устанавливал связи с ИМЭМО. Познакомились мы случайно – разговорились на каком-то совещании. И пошло – поехало. На всю жизнь.

Тем временем я осваивал журналистику. Где-то в середине пятидесятых состоялась целая серия визитов в нашу страну лидеров новых независимых азиатских стран – премьер-министра Индии Джавахарлала Неру с дочерью Индирой Ганди, президента Индонезии Сукарно, премьера Бирмы У Ну, короля Камбоджи Нородома Сианука. Мне поручали репортажи об их поездках и переговорах.

Во время визита Неру принял участие в необычном для меня мероприятии. Мы дружили со знаменитым спортивным комментатором Вадимом Синявским. Точнее, он опекал меня, как молодую поросль. И однажды мы вели вместе с ним репортаж из только что построенных Лужников.

В Лужниках провели митинг в честь Неру, а затем основательный спортивный праздник. Я говорил об Индии, Вадим вёл праздник. Перед началом он сказал: “Пошли в буфет, хлопнем по рюмке. Тебе надо для храбрости”. Сказано – сделано. Репортажи прошли удачно. Я долго сидел в будке комментаторов, восхищаясь тем, как блестяще он схватывает ситуацию и рисует её. Восхищался, как и миллионы слушателей, хотя мало кто знал, что он охватывал стадион одним глазом. Другой он потерял в результате тяжёлого ранения во время обороны Севастополя.

В этой связи хочу помянуть радиожурналистов и обозревателей, с которыми трудился тогда бок о бок: Бориса Андрианова, Юрия Визбора, Валентина Зорина, Виталия Кобыша, Валентина Козлова, Виктора Кудрявцева, Леона О니кова, Юрия Попова, Александра Тер-Григоряна, Александра Хазанова, Бориса Хессина, Николая Шишлина. Дружеские отношения потом продолжались (хотя и по-разному) долгие годы. Прошу прощения у тех, кого забыл или обошёл вниманием.

– Расскажите о Вашей работе в Индии.

– Началось всё с одной командировки. Зимой 1957 года меня включили в небольшую пресс-группу, сопровождавшую министра обороны маршала Жукова в его поездке по странам Азии – сначала Индии, а потом Бирмы.

Визит Жукова стал в Индии крупнейшим национальным событием. Мы знали, конечно, о его огромной популярности в мире. Но одно дело знать, а другое – видеть это своими глазами. Как его приветствовали, я бы сказал “с придыханием”, лидеры, министры, генералы разных стран, приехавшие в Дели на празднование Дня Республики 26 января 1957 года. Какие собирались восторженные толпы в городах, где он побывал.

Особенно запомнилось пребывание в военной академии в городе Утакаманде на юге Индии в горах Нилгири (Голубых), где учились будущие командиры дивизий. И не только индийцы, но несколько американцев, канадцев, австралийцев. Один из них назвал в разговоре Жукова “самым легендарным генералом второй мировой”. Мы это и так знали, но приятно было услышать это от западного военного.

Маршал прочитал там лекцию об уроках войны, стратегии, текущей глобальной ситуации. В ней он сказал, что ядерная война может кончиться только всеобщей катастрофой. Это явно расходилось с бытовавшими у нас тогда взглядами: мол, в новой мировой войне погибнет капитализм.

Помощник и переводчик маршала Георгий Большаков дал мне английский текст лекции и сказал: “Ты язык знаешь, посмотри, как там с этой точки зрения”. Прочитав, я по молодости решил предупредить маршала. Когда он один поднимался по лестнице в зал к трибуне, я его догнал и, набравшись смелости, напомнил о расхождении насчет ядерной войны.

Маршал на меня внимательно посмотрел, усмехнулся и спросил: “А ты взрыв атомной бомбы видел?” “Нет”. “Ну, когда увидишь, приходи”, – сказал Жуков и пошел читать лекцию. Она вызвала в мире огромное внимание. А какое-то время спустя в “Красной Звезде” было опубликовано интервью с ним, где он повторил свои выводы. Хотя неразбериха на этот счёт продолжалась потом у нас ещё годы и годы.

Вскоре после этих событий меня пригласило радиокомитетское начальство и предложило поехать на работу в Индию – основывать там корреспондентский пункт Московского радио. Я сразу согласился и никогда об этом не жалел.

Забегая вперед, скажу, что за годы, проведенные там, я проникся глубочайшим уважением к этой древней и быстро модернизирующейся великой стране, к её людям, городам, горам и джунглям, и сегодня, в старости, то и дело вспоминаю о ней. И это никак не мешает мне заниматься изучением международных отношений с Западом, Америкой и Европой последние пятьдесят лет. Работа и жизнь в Индии обогатили меня ценнейшим опытом.

Перед отъездом будущий директор ИМЭМО Николай Николаевич Иноземцев и мой многолетний (как и Примакова) друг Григорий Иосифович Морозов, создатель системы изучения ООН и других международных организаций в этом институте, привели меня к тогдашнему (первому) его директору академику Анушавану Агафоновичу Арзуманяну. Он – на удивление – потратил на беседу довольно много времени и согласился, что, вернувшись из Индии, я приду работать к ним.

Академик тут же предложил мне тему диссертации. Незадолго до этого в Индии произошло событие, замеченное не только у нас, но и в других странах. На выборах в южном штате Керала (с населением порядка 20 миллионов) победили коммунисты и создали своё правительство. “Вот Вам и тема, – сказал Анушаван Агафонович. – Напишите диссертацию об опыте коммунистического правительства в провинции буржуазной страны”.

Воодушевленный, я поехал в Индию. Правда, из диссертации ничего не получилось. Во-первых, создание корреспондентского пункта оказалось делом более сложным и трудным, чем виделось издалека. Во-вторых, чтобы написать что-то путное о Керале, надо было знать местный язык малайлам. И, кроме того, я все-таки был международником, им и остался.

Но тогдашнюю работу, да и саму Индию вспоминаю с особым чувством до сих пор. Она окончательно приучила меня к самостоятельности, если хотите, полной ответственности за свои решения и действия. Извиняюсь за “высокий стиль”.

Индия ошеломляла. Древние тысячелетние пещерные города. Изумительной красоты крепости, индуистские, буддийские, мусульманские святыни (Тадж-Махал только одна из них). Да ещё джунгли с их леопардами, слонами, носорогами (диких тигров я так и не увидел ни одного). А Гималаи, куда мы мчались, едва была возможность! От Дели до ближайших отрогов на машине три часа. На спидометре моей “Волги” с правым рулём, присланной из Москвы, перевалило за 60 тысяч километров. Да и работа была интересная. Репортажи, интервью, очерки. Масса новых неожиданных знакомств. В общем, школа жизни в самом лучшем смысле этих слов.

Спустя примерно год (или около этого) после начала работы в Дели меня избрали генеральным секретарём Ассоциации иностранных журналистов. Вручили чековую книжку Государственного банка Индии со счётом на миллионы (рупий или долларов, не помню). Я его подписывал вместе с казначеем и обязательно с личного согласия президента Ассоциации. Им был глава корреспондентского пункта западногерманского агентства ДПА (Deutsche Presse-Agentur – DPA). Фронтвик, воевавший и на восточном (где он вешал их флаг на Эльбрусе), и на западном фронтах. К нашим он относился более чем лояльно, а под рюмку мог сказать, что самые лучшие солдаты в мире это русские и немцы.

Свои деньги Ассоциация экономила, тратила их очень редко и на действительно крупные мероприятия. Самым главным из них был ежегодный торжественный ужин с премьер-министром Джавахарлалом Неру. Ужин, очень оживлённый, длился несколько часов. Президент сидел по правую руку от Неру, я по левую.

В первый раз за разговором я сказал ему, что освещал всю его поездку по нашей стране. Он оживился, стал вспоминать города, ещё что-то. А потом вдруг пригласил иногда заходить к нему. Не знаю, что его подвигло. Его интерес к Советскому Союзу был общеизвестен. А тут сидел молодой парень оттуда, который к тому же ещё что-то рассуждал. Так или иначе, но я несколько раз приходил в его офис на

Современная Европа, 2019, №3

втором этаже в начале (если считать от президентского дворца) длиннющего здания Центрального секретариата, построенного в своё время ещё англичанами.

Эпизод одной из этих встреч стоит вспомнить. Неру вдруг спросил, что может сделать для меня лично. Я попросил, чтобы он под запись сказал, что советская помощь лучше американской. Неру улыбнулся и промолчал. Потом сказал, что обещания надо выполнять. Но при одном условии. Это должно быть передано по радио только один раз и никогда не появляться в печати. И затем наговорил несколько фраз, очень обтекаемых, но вполне понятных.

Я в восторге помчался пересылать записи в Москву, сопровождал детальным письмом об условиях. Да ещё по телефону звонил несколько раз. Мне ответили, что нечего беспокоиться. Получив чрез неделю очередной номер “Правды”, я увидел на последней странице несколько слов о заявлении Неру Московскому радио. Понятен последующий шок и недели две как на углях. К удивлению, никакой реакции так и не последовало. То ли не заметили, то ли решили не поднимать шум. Как мне потом объяснили, дежуривший в газете услышал заявление по радио и “тиснул” в номер, ни с кем не согласовывая. Может быть, так оно и было.

А журналистская жизнь между делом текла, наполняясь все новыми событиями. И это была великолепная школа, которая в последующем очень помогла научной работе.

– Какое Неру производил впечатление как человек? Что было особенным?

– Огромная харизма и какая-то невероятная интеллектуальная мощь. За каждой фразой, казалось, скрывалась глубинная стратегическая мысль. И это общение как-то поднимало тебя на более высокий уровень рассуждения, анализа, размышлений. Одухотворяло, если можно так выразиться.

– А ваша обычная работа? Текучка?

– Буквально всё было новым, необычным, даже интригующим. Особенно встречи с людьми, политическими и общественными деятелями. Надолго, правда, запоминаются всяческие курьёзы, смешные эпизоды. Вот один из них. Надо сказать, что Ассоциация иностранных журналистов была не то чтобы влиятельной, но довольно престижной организацией. В ней работали видные журналисты из многих крупных стран, имена которых я потом десятилетиями встречал в различных СМИ. Многие западные журналисты, не работая постоянно, приезжали в Индию на неделю-две и вступали в Ассоциацию. Кроме прочего, она предоставляла множество мелких привилегий.

На этой основе как-то возник своеобразный конфликт. Однажды президент пожаловался мне, что временные члены пользуются благами ассоциации, а взносы не платят. Я ответил, что у нас в партии те, кто не платит взносы два месяца, вылетают из неё. Реакция немца была неожиданной. Он сказал: “Такой партии не может быть”. Я обещал ему выписать из Москвы устав на немецком языке. Посмеялись и разошлись.

Вдруг месяца через 2-3 он говорит: “Мне ваши порядки понравились. Я договорился: французы предложат, англичане поддержат. А ты не высовывайся”. Так и произошло. И на собрании приняли правило исключать через два месяца за неуплату взносов. И тут вдруг деньги потекли на счёт ассоциации рекой.

Много лет спустя я спросил у кого-то из журналистов, работавших в Индии, сохранился ли такой порядок. Он подтвердил. Сохранилась ли к тому времени наша партия или исчезла, я не помню.

Индия в то время (впрочем, как и сейчас) была местом многочисленных международных собраний, на которые приезжали видные деятели ведущих держав. Со многими удавалось встретиться, взять интервью или просто побеседовать. Помню беседы с молодым (ему было лет сорок с чем-то) лидером французских социалистов Франсуа Миттераном. Записанное интервью с ним потом неоднократно передавалось по нашему радио.

Однажды зимой (а это в Дели 15–20 градусов тепла при многомесячном голубом небе) прибыла с визитом недавно вступившая на престол юная и очень красивая британская королева Елизавета II. Мы с президентом Ассоциации иностранных журналистов сходили на роскошный приём в садах президентского дворца, чтобы поприветствовать её от имени нашей организации.

Очень интересной была моя длительная встреча с выдающимся американским учёным Гансом Моргентау, автором теории политического реализма в международных отношениях и внешней политике. И хотя тогда я плохо знал его главный труд “Politics Among Nations”, он уделил время на несколько бесед, которые запомнились на долгие годы, как и последующие встречи в США. Эти и другие события постоянно напоминали, что пора задуматься о науке и засесть за диссертацию.

А череда событий неизменно отвлекала. Я посетил соседние страны – Непал, Цейлон (ныне Шри-Ланка), ещё что-то. А зимой 1960 года надолго улетел в Лаос, где разразилась война между нашими союзниками – нейтралистами и левыми силами с одной стороны и восставшими на юге военными, поддерживаемыми США и Таиландом, – с другой. Бои шли неделями и завершились многодневным штурмом столицы Вьентьяна и поражением наших друзей (позже они всё же взяли верх).

Пока связь работала, я посылал в Москву сообщения, а затем день за днём записывал репортажи об уличных боях. Вернувшись в Дели, передал их в Москву, и они долго звучали по радио. Говорили, что это были первые фронтовые репортажи со стрельбой и взрывами после войны. Впоследствии наградили орденом, который мне дороже всех последующих.

Издательство “Известия” выпустило тогда довольно шумевшую книжку под интригующим названием “Неистовые репортёры”. Она открывалась главой о знаменитом американце Джоне Риде и его репортажах о Петрограде октября 1917 года. Одна из глав была посвящена мне под заголовком “Репортаж под пулями”.

– То есть наука была далеко задвинута?

– И да и нет. Материал для диссертации я продолжал собирать. А засел за неё по-настоящему во время второй трёхлетней командировки в Индию.

Вернувшись домой из первой, я продолжал работать в Радиокomitee, несколько раз ездил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорк, а также в страны Европы. И параллельно вдруг начал скакать по бюрократической лестнице вверх, добравшись до членства в Коллегии Радиокomitee. И довольно быстро осознал, что хочу вернуться назад к творческой жизни.

А тут Евгений Максимович Примаков, перешедший из ИМЭМО в газету “Правда”, собрался на работу корреспондентом по Ближнему Востоку в Каире. Его попросили подыскать себе замену, и он привёл меня.

Современная Европа, 2019, №3

Я подал заявление об уходе из радио и вскоре получил на красивом бланке решение Совета Министров, подписанное его председателем Алексеем Николаевичем Косыгиным: “Освободить по собственному желанию”. Так началась моя новая творческая жизнь, на сей раз газетная. В “Правде” у нас сформировалась своя компания: Примаков, Журкин и известный журналист Томас Колесниченко, в последующем много лет проработавший корреспондентом в США.

И вдруг новый зигзаг. В связи с бурным ростом отношений с новыми независимыми государствами Азии началось привлечение на дипломатическую работу специалистов из сфер науки и журналистики. И мне предложили поехать в наше посольство в Индии. Нам с женой Диной очень захотелось снова побродить по Индии. И вскоре мы поселились в огромной двухэтажной квартире советнического особняка в жилом городке посольства.

Работа в Посольстве была и ответственной и интересной. Но, конечно, журналистской вольницы не было. Зато вечерами было время. И я сел писать диссертацию о политике США в Южной Азии, как бы продолжая институтскую дипломную работу.

– Ваша жена поддерживала Вас в этих устремлениях?

– Ещё как! У неё и самой были схожие планы. Дина Газизовна Джангозина (Журкина) происходила из Алма-Аты. С малых лет училась в балетной группе, потом школе. К ним в начале войны приехали в эвакуацию несколько балетных групп из Ленинграда. И они учили казахскую молодёжь.

Лет в 18 она танцевала в их главном столичном театре, выступала в Москве в Большом, танцевала в фильмах, в том числе в известном казахском фильме “Наш милый доктор”. Училась в Москве, в ГИТИСе, стала балетмейстером. Когда была студенткой, мы и поженились.

В Дели у неё были свои планы. В индийской столице работает знаменитая академия классической индийской музыки и танца. Там в дополнение к обычному долгому курсу открыли форсированный однолетний курс для иностранцев. Учились в основном британки и американки. Дина подала заявление, сдала экзамены, была принята и получила через год диплом академии. А это стало началом работы над кандидатской диссертацией о классическом индийском танце, которую она защитила в ГИТИСе и потом там преподавала, ставила танцы в спектаклях Театра Вахтангова.

Так что оба мы в Индии работали, изредка выбираясь в любимые Гималаи. Порой в знаменитый парк Корбетт: расположенный в предгорьях Национальный парк имени Джима Корбетта – легендарного британского охотника на тигров-людоедов, автора ряда книг. Это были многие километры джунглей, водопадов, скал и других красот. Передвигались на джипах, слонах, а то и пешком.

Однажды мы ехали на слоне сквозь густейшие джунгли, и у жены упала в чашу босоножка. Слон остановился, порылся хоботом в кустах, достал босоножку и назад через свою голову и погонщика подал её Дине. Сколько мы потом ни рассказывали, никто не верил. А было именно так.

Диссертацию я написал довольно быстро. Работал не только дома, но, если позволяло время, в прекрасной библиотеке известного в мире Индийского совета по международным делам. Общался с его членами – видными деятелями, в том числе и с

известными учёными. Собрал много литературы. На удивление оказалось, что выписывать и покупать американскую литературу проще всего по каталогу через Сингапур.

Однажды, незадолго до завершения моего срока, ко мне в кабинет зашёл заведующий и сказал, что совершит поступок, за который его выгонят – покажет до посла телеграмму обо мне. В шифровке от имени министра Андрея Андреевича Громыко было написано, что в Академии наук создан Институт по США (так он на первых порах официально назывался), и мне предлагают работать там, когда вернусь в Москву.

Послу я ответил, что в принципе согласен, окончательно решу уже дома. И месяца через полтора (была весна 1968 г.) я вошёл в старинный особняк в Хлебном переулке на Арбате, встретился с директором Георгием Аркадьевичем Арбатовым и был назначен заведующим Отделом региональных направлений внешней политики США.

В центре этих региональных направлений находится, естественно, европейское. Европа со всеми её проблемами и структурами: НАТО, Европейское (тогда) сообщество, позже Европейский Союз, европейская безопасность, вопросы ограничения и сокращения вооружений. Да много ещё чего. И сама логика объектов исследования заставляла (хочешь не хочешь) развиваться и становиться не только американистом, но и европеистом. С тех пор с этого пути я уже не сходил.

На первых порах всё это выглядело более чем скромно. Какое-то время Отдел состоял из меня. Да и во всём институте научных сотрудников сначала было не больше десятка. Но начали быстро завязывать связи с американским научным миром. Сначала с Гарвардским, Колумбийским, Принстонским университетами, Советом по международным отношениям в Нью-Йорке, вашингтонскими центрами. Американская профессура заинтересовалась новым институтом, стала приезжать. Начали готовить первые работы.

Второй волной пошло установление связей и научного обмена с европейскими исследовательскими центрами. С таким пожилым, как Королевский институт международных отношений в Лондоне. Или молодым Немецким обществом внешней политики, которое действовало в столице ФРГ Бонн. Или совсем юным Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (СИПРИ), в котором меня впоследствии избрали членом Учёного совета. Потянулись к нам и европейцы, а мы к ним. Кстати, именно тогда в наших академических кругах заговорили, что было бы полезно создать Институт Европы. Потом эти разговоры затихли, годы спустя возобновлялись и опять затихали. Через два десятилетия он всё же был учреждён.

Внешне тогдашние наши усилия выглядели так, будто хватались то за одно, то за другое. На самом деле всё развивалось по чёткому плану, разработанному будущим академиком Арбатовым. И многое, чему мы у него учились, его подходы к планированию, постановке конкретных задач, обеспечению их выполнения – запомнилось надолго.

Но это уже совсем другая история.

А у меня началась главная жизнь, которая длится более полувека.

Поэтому и назвал это сочинение “В начале десятого” (десятилетия). И снова прошу прощения за огрехи или мелкие неточности. Винават.